

Причины происхождения Umlaut'a.

I.

Для умлаута, т. е. регрессивной ассимиляции гласных, разделенных согласными (*maniz* > *meniz* > немецкое *Männer*, англ. *men*), вообще мыслимы, мне кажется, 2 фактора.

Один из них, но кажется в качестве единственного по его мнению, называл мне Л. В. Щерба.

Это ассимиляция гласным предшествующего согласного, а затем ассимиляция этим согласным предшествующего ему гласного. Таков процесс выработки „переднего оттенка“ а в *рать*, *рати*: *i* (*i*=ь или *i*=и слав.) смягчало предыдущее *t* (>*t'*): а путем частичной физиологической зависимости конца а (в *рать*, *рати*) от этого *t'* (передачи конечному периоду данного а языкового уклада с поднятием средней части языка) образовался и данный комбинаторный оттенок фонемы (ударенного) а, акустически характеризуемый тоном ε —*e*—и даже *i* (—все последовательно) своих конечных периодов (то же, конечно, при соседстве гласных со всякими другими палатализованными согласными *s'*, *l'* и проч.).

Эта фактическая эпентеза (*rati* > *ra'ti* > *ra't'*) осталась, впрочем, еще физическим, а не психофонетическим явлением, т. е. не привела еще к дивергенции представления гласного а как даже и еще более сильная абберрация при влиянии палатализованного согласного еще и спереди, в *тятя*=*t'æt'a*, *тётя*=*t'ot'a*—физически *t'ot'a*; данные ε , θ , не являются фонемами, а лишь комбинаторными вариантами или оттенками, как их называет Щерба, фонем а, о. Психически же закрепленные примеры эпентезы мы имеем в греческом: $\varphi\alpha'\iota\omega$ < $\rho\eta\alpha\iota'\iota\omega$ < * $\varphi\alpha\iota\text{---}\iota\omega$ (аналогичным образом $\alpha\rho\iota\omega$ > $\alpha\rho\iota\omega$). В дальнейшем же (ново-греческом) дифтонг *ai* стягивается уже в *e*.

Подобное этому, по данной теории, нужно предполагать и в германском: *man-iz > *man'iz* > *man'iz* > *mainiz* > *meniz* (и далее немец. *männer*=*Männer*, англ. *men* = *men*, тогда как единственное число сохранило а—нем. *Mann*, англ. *man*=*man*).

Таково механическое объяснение умлаута эпентезой.

Сюда же относится и такое построение, как мнимый лабиальный умлаут, предполагаемый Шахматовым для перехода 'е (т. е. е с предшествующим мягким согласным) в 'о перед следующим твердым, как, напр., в *мёд* = *m'ot* < *m'od* < *m'edu*. Мысль Шахматова можно понимать так, что 'ь (ь), исчезая, оставляло свой момент лабиализации на предшествующем согласном (*d*=*udu* ?), который становился лабиализованным (*sic*), а затем общал свою лабиализацию предшествующему гласному (таким образом, *ь* > *o*: *мёд*, *пёс*). Но, думаю, весь рассказ о лабиализованных согласных в русском (хотя для него и можно, казалось бы, использовать некоторый

инструментально-фонетический материал из южных говоров), как о факторе перехода $e > o$ — недоразумение, так как самый момент изменения состоит здесь не в губной, а язычной работе: процесс $e > o$ — собственно $e > a$, и как таковой вполне соизмерим с аналогичными изменениями соответствующего долгого: полифтонга $'je$ (β) в $'a$: часть $< *kies\bar{e}$, польск. $l'as < l'es\bar{e}$ (ср. те же процессы в индийском: $*ke > skr. ca, te > ta, k\bar{e} > c\bar{a}, t\bar{e} > t\bar{a}$). Таким образом, при желании этот переход можно рассматривать лишь как умлаут язычной работы (d в $m\bar{e}d$, s в $l'es$ —твердые потому, что за ним шло $\bar{e}$, и они сообщают характерный для „твердых“ уклад предшествующему гласному), но не как губной¹⁾ умлаут.

Лично у Щербы впечатление о нормальной роли эпентезы с передачей качества через согласный (затем согласный может утратить это качество, напр. палатализацию) сложилось, я позволяю себе думать, под влиянием ирландских примеров (с графическим, собственно, умлаутом гласных и разными категориями согласных): $ech \parallel equus, eich = ek' \parallel equi$ (genetiv).

II.

Но допустимо видеть и другой фактор в создании умлаута, если взвесить факты из другого сорта — не индоевропейских языков — именно языков с сингармонистической структурой слова. Я позволяю себе утверждать, что именно является типичным сосуществование гармонии гласных и умлаута в истории определенных (обладающих сингармонизмом, т. е. урало-алтайских) языков (хотя, казалось бы на первый взгляд, это диаметрально-противоположные явления).

Так мы находим умлаут в монгольских наречьях; как пример губного процесса укажу на $nidun > n\ddot{u}d\ddot{u}n > n\ddot{u}dn$ „глаз“²⁾. (вообще же примеры в диссертациях А. В. Руднева *passim*) и в турецких.

В турецком умлаут наиболее характерен и играет роль морфологического приема (в таранчинском at лошадь, eti его лошадь; al возьми, $e\ddot{i}r$ взяв, ata отец, $atesi$ его отец; из случаев губного умлаута: $xotun < qatun$ жена).³⁾ Но есть случаи и в других (Radloff, Phon.), как и в казак-киргизском $\ddot{a}ke < ata-ke, \ddot{a}reg < ab-ber < alub-ber$ (в татарском $\ddot{a}pir$). Для генетического объяснения умлаута мне кажется особенно показательным последний пример ($\ddot{a}ke$), взятый из языка со строжайше выдержанной язычной (палатальной) гармонией гласных. Само сознание потребности в том, чтобы все гласные слова принадлежали или к категории задних, или же передних, — является фактором уодноображения и, следовательно, измене-

¹⁾ Появление лабиальной работы в $e > o$, как и вообще в $a > o$ (в акающих говорах лишь под ударением) находит психофонетическое разъяснение без надобности во влиянии согласных.

²⁾ Сравни и корейское nip «глаз». (Корейский я считаю в родстве с монгольским и след. в числе «алтайских» языков; гармония гласных существовала некогда и в корейском. на что указывают следы ее даже в современном корейском спряжении).

³⁾ Третий вид упоминаемых Радловым (Phon. § 88) таранчинских Rückwirkungseinflüsse—verengender Einfluss принципиально отличен: мы сталкиваемся здесь не с ассимиляцией, а диссимиляцией ($ata, ati-lar \rightarrow ati-leri < *ata-lar-$), находящей близкую параллель в южно-японском: в Кюсюских говорах слоги ra, ro (a, o —самые устойчивые из гласных) переходят в ri (i —самый минимальный гласный в позиции после r , почему в него стекаются все другие гласные в условиях стремления к нулю; такую же роль выполняет в таранчинском $\bar{i}$), только если данный комплекс содержит три a или три o подряд: $harakaku > har$ (i) $kaku >$ (кумамотоское) $har'kaku$, отсюда Нагасакск. $haikaku$, Сацумское $haakaku$ (ассимилятивно); $jama-kara >$ Кумамото- kar' , Сац.- kaa ; Accusat.- $tokoro-ba >$ Кум.- $tokor'ba$, Нар.- $tokoiba$; $koko-ro-jasu-ka >$ Нагасакск. $kokoijaska$.

ния одного гласного в угоду другому (как, например, в заимствуемых словах; арабское عَلِي дало поэтому в киргизской речи следующие варианты: алы, æli, қалы, gæli, ғалы¹⁾). не считая литературной, „правильной“, но сингармонистически неуравновешенной формы ali). Вопрос состоит только в том, какой из ряда гласных окажется языковому сознанию важнее и даст перевес характерному для него языковому укладу. Вопреки нормальному и принципиально принятому в турецких языках господству гласных головной—лексической морфемы (что почти обезличивает вокалистическую характеристику суффиксов), в данном æke²⁾ оказался существенным вокализм (а также консонантизм—переднее k) частицы ke.

Допустим теперь, что в языке наступает эпоха перелома морфологического строя, для чего причиной может быть гибридизация с языком иного семейства. При этом естественно ожидать разрушения „гармонии гласных“, как господствующего морфологического принципа, но часто фонетическая привычка к единообразному укладу всех гласных на протяжении слова, можно думать, будет сказываться в нивелировке вокализма чужезычных комплексов—безразлично, приемом ли прогрессивной или регрессивной ассимиляции.³⁾ При последнем случае (умлауте) допустимо ожидать, что консервация чужезычных суффиксов разовьвет вместо сингармонистического новый принцип морфологической альтернации (именно альтернации не в вокализме суффиксов, а в вокализме основ)—основанный на умлауте, как в германских: Mann | Männ-er, Bruder | Brüder и т. п.

Вот одна из причин, заставляющих меня гипотезировать о том, что подпочвой (не индоевропейской) для таких языков с богатством Umlaut'a, каковы германские, был язык урало-алтайского (финского?) типа с гармонией гласных⁴⁾. Я вполне предвижу при этом, конечно, возражения в виде указаний на хронологическую удаленность явлений умлаута (большинства умлаутов) от до-индо-европейской почвы германских языков. Но парировать их, вернее пытаться согласовать с моим допущением чужого влияния, я предпочту уже в другой статье, где буду располагать большим местом: ибо тут нужно сказать и многое принципиально и по самим германским фактам.

Итак, при такого рода условиях образования Umlaut'a существенным

1) Три из этих вариантов уходят, конечно, за счет трудности айи'а. Как курьез укажу, что эти варианты Калы, Эли, Галы и т. д., бывает, служат разными именами братьев одной семьи.

2) Турецкое *ata-ka > ä(tä)ke вошло и в монгольский — в виде едиге «отец».

3) По этому поводу крайне важно высказанное Радловым, Роп. в §§ 65 (отметь уподобляющую функцию не *первое*, а ударенного гласного в русских заимствованиях: Аграфёна=ögrörröñö и т. п.), 66, 68, 71, 73.

4) А не яфетические, как думают Марр и Браун. По вопросу о яфетизмах в германском интересно отметить, что почти всюду, где удастся гипотезировать «яфетические» этимологии в германском слове, навязываются и финские параллели (не германизмы!), напр. к приводимым Марром (Яфетический Сборник) яфетическим соответствиям для нем. Klippe можно указать на старо-эстонское kald «берег». Сходную по консонантизму — с финским подпочву для германских языков есть возможность допускать на основании Lautverschiebung: столкновение с монистическим (по гортанным работам) консонантизмом вывело из устойчивого равновесия индо-германское различие глухих и звонких, и вернуться к обще-фонетической норме этих различий не могут поэтому немецкие говоры до сего времени.

фактором можно считать психический ¹⁾—Momentaler Sprung—в виде конвергенции крупных фонетических единиц: представлений слова, как рядов гласных; один из конвергентов,—это привычное (нормальное для словаря) представление определенного, напр., заднего, *единообразного* вокализма (частный случай и..... ы..... а..... ы); другой конвергент—представление нарушенного единообразия вокализма, получаемое из чужеземного словаря (частный случай и..... е..... а..... ы, т. е. ряд гласных, слышимых в русском „губернатор“). Естественно, конечно, чтобы нормальное, опривыченное представление уподобило себе аномалию (зигзаг и..... е..... а..... ы); поэтому губернатор превращается в qubygnattyr (Radloff, о. с. § 65 : qubygnattyr) с е > ы. По терминологии теории конвергенций это будет, следовательно, конвергенция крупных фонетических величин (фонетических представлений слова), относящаяся к I-му типу конвергенций.

Итак, я полагаю, факты умлаута органически связаны с историей разложения сингармонизма.

Е. Поливанов.

---

1) Роль физического фактора, как-то развития $aiti < at-i$ в источнике таранчического еті «его лошадь», я, конечно, не собираюсь отрицать (заметь, что через два согласных влияние i не простирается: $at-ni$, см. Radloff о. с. § 82). Но улавливается появляющийся под регрессивным ассимилятивным влиянием оттенок (напр. a^e в источнике кипр. $\acute{a}ke$) именно как однородный (в данном случае передний) с ассимилирующим звук (как фонема $\acute{a}$), именно благодаря существованию понятия однородности (переднего или же заднего уклада) в рядах гласных, т. е. благодаря сингармонизму.

Errata.

Страница	Строчка	Напечатано	Следует читать
37	8 св.	معريفت	معرفت
48	19 св.	Уезди	Иезди
73	1 и 2 св.	поселяют	населяют
96	6 св.	Оман	Омана
116	16 св.	другого яфетического	другого, —яфетического
150	23 св.	приводят	приводит
151	16 св.	بنى آيه	بنى آيه (?)
153	22 св.	муссала	мусалла.

О Г Л А В Л Е Н И Е.

	Стр.
Андреев, М. С. „Рисаля“ кузнечного цеха из Северной Индии на языке „пушту“	9— 13
Бетгер, Е. К. Коллекция книг из собрания И. П. Липранди в Туркестанской Государственной Библиотеке	14— 23
Вяткин, В. Л. Ферганский мистик Дивана-и-Машраб	24— 34
Гаррицкий, А. А. Из предисловия к „Премудрости“ (حكمت) Шейха Ходжи Ахмеда Есевийского	35— 40
Диваев, А. А. Из киргизских сказок Сыр-Дарьинской области	41— 45
I. Сорок небылиц	41
II. Девочка перехитрила	43
Иванов, П. П. Сайрам. Историко-археологический очерк	46— 56
Предание о калмыцком нашествии на Сайрам	57— 58
Караш-Хан-Оглы. Сердар. (Этнографический этюд).	59— 66
Кузнецов, П. Е. Некоторые диалектологические особенности среднеазиатского наречия турецкого языка (так наз. узбекского, сартовского).	67— 71
Маллицкий, Н. Г. Из области таджикского фольклора	72— 74
Пестовский, Б. А. Синтез буддийской поэзии в Китае в эпоху Тан (618—906).	75— 79
Пещерева, Е. М. Один из персидских изводов „Шемякина суда“. (По персидской рукописи начала XIX в.)	80— 84
Принц Дара-Шехух. (Эпизод из истории Великих Моголов).	85—102
Поливанов, Е. Д. Татарская народная версия „Шемякина суда“.	103—105
Из теории фонетических конвергенций	106—115
Дальневосточные термины орудий письма	116—119
Причины происхождения Umlaut'a	120—123
Семенов, А. А. Насыри-Хосров о мире духовном и материальном.	124—133
Троицкая, А. Л. К биографиям некоторых художников эпохи сефевидов	134—137
Успенский, Л. В. Идея прерывности в современном марксизме	138—142
Юдахин, К. К. Из среднеазиатско-турецкого народного драматического творчества	143—145
Вундцеттель, Н. Э. Интересная гемма из коллекции Туркестанского Восточного Института	146—147
Умняков, И. И. К вопросу об исторической топографии средневековой Бухары	148—157
Дополнения к статье „Коллекция книг из собрания И. П. Липранди в Турк. Гос. Библиотеке“	158—159
Указатель личных и географических имен.	160—167
Оглавление.	169

الاسكندرية

СБОРНИК

ТУРКЕСТАНСКОГО

ВОСТОЧНОГО ИНСТИТУТА

в честь профессора А. Э. ШМИДА.

(25-летие его первой лекции 15/28 января 1898—1923 г.)
